

Я снова оказался на горной тропе. Неужели это все, что осталось в памяти Духа-сан? Это не объясняло, как умер мальчик. Когда я попытался собрать воедино все последствия этого воспоминания, я понял, что иду сам по себе. Контролировала ли меня Дух-сан?

Я посмотрел вниз и увидел, что я все еще Митико. Казалось, я стал старше. Примерно того же возраста, когда я умер.

Это было другое воспоминание. В котором я гулял один, сразу после заката. Часть меня думала о возвращении домой, но я не чувствовал сил для этого. Мне не хотелось ничего делать. Поэтому я просто бесцельно бродил по тропе затворников. Никого не было видно. Никого, кроме деревьев и какофонии цикад. Был жаркий летний вечер, и на мне была та же самая подсолнечная юката, что и несколько лет назад на фестивале. Я чувствовал себя потным и усталым, как будто я мог просто лечь и растечься, и ни о чем не заботиться.

И просто плевать.

Сколько времени прошло с тех пор, как умерла Хана-тян? Прошло несколько месяцев? Я ничего не мог сделать, чтобы изменить это. Все, что приходилось совершать, это заниматься повседневной жизнью. Около дюжины часов в день жить, просто желая снова заснуть. Конечно, это не помогло бы, но разве я когда-нибудь мог что-то сделать? Я не знал, кого я мог попросить ответить на все эти вопросы.

Не было никакой возможности избежать ощущения, что все неизбежно. Я мог ходить и думать обо всем... и это было все что я мог... и это было бесполезно... И я просто должен был как-то с этим смириться. Мне хотелось плакать, и я ненавидел себя за то, что просто хочу этого.

Я сел на большой гладкий камень, который оказался немного тверже, чем ожидалось. Я положил ладони на его поверхность по обе стороны от себя и просто смотрел на деревья вдалеке. Лес качало ветром, но на душе было спокойно. Мысль о том, каково это - быть деревом, засела у меня в голове. Случайная мысль, которая не раз приходила мне в голову в часы бессмысленных мечтаний.

Дереву не о чем беспокоиться. Но и дерево никогда не делает слишком многого.

Конечно, мне никогда не приходилось много делать самому. Или, по крайней мере, очень хорошо делать. От меня было не больше пользы, чем от какого-нибудь дерева. На самом деле я был менее полезен — дерево, по крайней мере, можно было использовать для домов, бумаги или дров.

- О, это Киджимута-сан.

Я вспомнил, что меня так зовут. Но кто это сказал? Я поймал себя на том, что уже поворачиваюсь, пока собирал эти мысли воедино.

Это был тот парень с фестиваля, которому я хотел подарить ужасную шляпу. Я сразу вспомнил его имя: Исэки-сан. Исэки Кацуру. Конечно, я знал его имя, я много раз думал о нем за эти годы.

Он был одет в простую черную юкату, почти сливающуюся с тенью нависающего скалистого выступа. В его взгляде застыло полумертвое выражение.

- Что привело тебя на эту пустынную тропу? - много лет назад он отказался от своей устарелой речи, но все еще говорил спокойным, ровным тоном.

- Я... я не знаю, - я смущенно опустил глаза, впился пальцами в колени и подтянул плечи к шее. Наверное, я не хотел обременять его всеми этими удручающими событиями. Точно так же я всегда говорил, что со мной все в порядке, когда родители спрашивали, как у меня дела.

Знал ли Исэки-сан о моей связи с Хана-тян? Нет, он не мог знать. Мы почти не разговаривали друг с другом. Я почти ни с кем не разговаривал. Возможно, он знал о смерти Ханы-тян (хотя бы потому, что деревня была такой крошечной), но он не мог знать, что ее смерть на самом деле значила для меня.

Наступило долгое молчание. А может, всего на пару секунд. Но оно казалось очень длинным.

-А что насчет тебя? - наконец-то я догадался сказать. Я оглянулся и увидел, что Исэки-Сан сидит на другом камне. Он смотрел в небо, прежде чем повернулся ко мне.

Он выглядел смущенным.

- Хм?

- Почему ты... здесь? - спросил я.

- Я хожу сюда время от времени, чтобы подумать, - сказал он. - Просто чтобы время от времени побыть одному.

Я не знал, что спросить еще. Почему он хочет побыть один? Я догадывался, что могу понять, хотя, я находился здесь, чтобы просто не быть дома.

Я услышал движение и испугался, что Исэки-сан уже уходит. Но он просто лениво передвигал сандалии по грязи и камням у своих ног. Я бы не удивился, если бы он хотел уйти. Я был скучен, как никогда.

Я заставил себя создать некое подобие разговора.

- О чем ты... думаешь?

Он улыбнулся, а я немного нервничал, глядя на него слишком долго.

- Ничего интересного, - сказал он. - Просто о жизни в целом.

- Что с тобой? - спросил я. - Ты все еще играешь в каруту?

Улыбка Исеки-сан погасла.

- Нет, - похоже, он хотел сказать что-то еще, но не знал, как это сделать.

Поэтому он просто замолчал.

Я попытался вспомнить события, которые произошли после летнего фестиваля несколько лет назад. Исэки-сан собирался стать профессиональным игроком в каруту, не так ли? По крайней мере, таков был его план. Но он не произвел впечатления на судей, которые пришли в деревню, чтобы проверить его навыки. Или, по крайней мере, недостаточное впечатление.

Я хотел как-то подбодрить, но мы редко разговаривали. И никогда так... наедине.... Это нельзя было считать продолжением нашего разговора на летнем фестивале, хотя именно это занимало мои мысли. Что, если бы в тот день я был чуть более активным? Может быть, теперь я смог бы что-то сказать. Что-то, что может многое значить? Что-нибудь?

- Трудно понять, что делать, - сказал я, съежившись, когда слова слетели с моих губ. - Я хочу сказать, что никогда не знаю, что делать.

Снова долгая пауза.

Я тихо добавил:

- И жаль...

-Нет, ты права, - сказал Исэки-Сан. - Я просто задумался.

После этого я решил не нарушать молчания. Исэки-сан, казалось, удовлетворился тем, о чем на минуту задумался. Может быть, я помог ему в чем-то? У меня на уме не было ничего важного, чтобы сказать, но иногда было приятно просто немного поговорить с кем-то, хотя бы для того, чтобы выслушать чужое мнение.

-Киджимута-сан... - Исэки-сан осекся на полуслове. Земля сильно задрожала.

Я вскочил в ответ на внезапное движение и тут же сделал несколько неверных шагов вперед. Я упал на четвереньки, дыхание перехватило прежде, чем я смог закричать. Где-то позади меня раздался грохот. Неужели вся гора разваливается на части? В паническом бешенстве я огляделся по сторонам, пытаюсь понять, где Исэки-сан. Там были камни, падающие со склона. Далеко? Нет, некоторые были очень близко. Где Исэки-сан? Я продолжил искать.

Все мое тело тряслось, и потребовалось некоторое время, чтобы понять, что это всего лишь я. Землетрясение уже прошло. Как долго длилась эта дрожь? Облако пыли, оставшееся позади, заставило меня закашляться. Слезы навернулись мне на глаза, и было больно вставать. Я упал на четвереньки и изо всех сил старался сжать слезы, изо всех сил зажмурил глаза.

Когда слой пыли в воздухе немного рассеялся, я понял, что заблудился. Я посмотрел вверх и вниз по тропинке... вверх и вниз по склону горы... влево и вправо... в сторону деревьев... в сторону деревни...

Куда я смотрел? Это там был Исэки-сан? На тех камнях? Разве его там не было?

Разве он не был там?

* * *

Я уставился на камни. Просто смотрел на них. Некоторые, похоже, снова сдвинулись. А может, просто освещение изменилось. Теперь все стало ярче?

Это был настоящий день, и я снова стал самим собой. Я был один на горной тропе. Наедине с Духом-сан.

- Тот мальчик... которому ты хотела подарить шляпу. Я так понимаю, он умер, - сказал я. - Оползень?

Дух-сан ответила не сразу. Было неприятно думать, что что-то невероятное случилось Митико, всего через несколько месяцев после того, как умер кто-то из ее близких. В этом было что-то почти смехотворное. Абсолютная маловероятность падения камней на кого-то в таком случайном землетрясении...

Ну, технически, это было возможно. И, возможно, это случалось чаще, чем можно было ожидать. Я попытался понять, что это значит для Духа-сан. Если она хотела, чтобы дух мальчика, который умер здесь, преследовал ее, то она действительно чувствовала свою вину в том, что он умер. Она действительно чувствовала, что мальчик обвиняет ее в своей случайной кончине.

- Ты не можешь винить себя за землетрясение, - сказал я. - Я полагаю, ты винишь себя за то, что разговаривала с ним возле того утеса с камнями.

«Если бы меня там не было, он бы просто продолжил идти. К тому времени, когда произошло землетрясение, он, вероятно, был уже ближе к деревне. Деревня не сильно пострадала. Он был единственным, кто погиб в тот день».

С этим трудно было спорить. Очевидно, у Духа-сан не было дурных намерений в отношении Исэки-сан или Ханы-тян, но она чувствовала, что ее действия привели к их смерти.

«После того, как тело Исэки-сан было найдено, я вернулась сюда, чтобы, наконец, оставить ему шляпу, которую сделала для него. Я не могла заставить себя отдать ее ему, пока он был еще жив. Я знала, что ему она не понравится, но это было лучшее, что я могла сделать. По крайней мере, так я думала тогда. Но есть еще кое-что, что я могу сделать. Я могу успокоить его душу».

- Дух-сан... - я должен был как-то правильно сформулировать свою мысль. Есть ли способ убедить ее отказаться от ее затеи? Это было действительно бессмысленно. - Исэки-сан не найдет облегчения в твоих страданиях. Он пошел дальше и ни в чем не винит тебя.

«Если его здесь нет, значит, он где-то в другом месте, - сказал Дух-сан. - Ты не можешь его найти? Я не могу просто ничего не делать!»

- Это все, что мы можем сделать, - сказал я. - Иногда мы просто живем своей жизнью и не видим в ней смысла. Мы просто притворяемся, что знаем, что делаем, и надеемся, что что-то получится. Мы лжем себе, мы лжем миру, и мы просто продолжаем лгать, думая, что, может быть, ложь каким-то образом превратится в правду!

Сам того не желая, я начал кричать. О чем я говорил? Я должен был остановиться. Я не мог принимать это дальше. Я не мог позволить Духу-сан узнать обо мне больше. Я должен был выбраться из этого. Просто найди способ успокоить ее и покончить с ней. Я не мог позволить ей узнать, кто я на самом деле.

«Я не могу отказаться от Исэки-сан! - воскликнула Дух-сан. - Ты не можешь сказать мне просто двигаться дальше, как будто его смерть ничего не значит. Как можно просто принять то, как он умер? Это было слишком несправедливо. Он упорно трудился, чтобы найти свое место в мире. И он нашел бы его! Он мог прожить замечательную жизнь. Все заботились о нем. Он что-то значил для людей. Он что-то значил...»

Из моих глаз текли слезы. Я предположил, что это из-за Духа-сан, но на мгновение подумал, что это мои собственные слезы. Были ли это слезы грусти по Духу-сан? Или что-то, что я похоронил глубоко внутри себя, пытается всплыть на поверхность?

Я должен был быть откровенен с Духом-сан.

- Его здесь нет. Весь твой план был испорчен с самого начала, Дух-сан. Если бы Исэки-сан хотел преследовать тебя, он бы сделал это, пока ты была жива.

«Он не сделал этого только потому, что не мог, - сказал Дух-сан.- Он застрял здесь, привязанный к тому месту, где умер».

- Привязан чем? Его презрением к тебе?

«Возможно. Или, может быть, его горем».

- И то, и другое маловероятно, - сказал я, вытирая слезы. - Обстоятельства, стоящие за смертью Исэки-сан, не способствуют формированию ни странствующего духа, ни связанного с землей духа. Твоя вера в то, что Исэки-сан захочет преследовать тебя, беспочвенна. Он не испытывал к тебе никакой привязанности. Вы были просто соседом-соседкой, с которым он разговаривал лишь изредка. Ты была странной девушкой из семьи Киджимута и ничего больше. Если Исеки-сан не хотел тратить свое время на тебя при жизни, он не будет тратить его и после смерти. Здесь нет духа Исэки-Сан.

«Что-то должно быть. Что-то должно быть. Что-то должно быть».

Она повторяла эти слова снова и снова, не переводя дыхание.

Я хотел сказать ей, что у нее нет причин быть здесь. Ей больше не нужно было задерживаться. Она могла бы освободиться от всего этого. Она может просто исчезнуть, и все будет кончено. Ей не нужно было страдать. Почему ей нужны эти страдания?

«Для всего этого не было причин. Для всего этого не было причин. Для всего этого не было причин».

- Должно же быть что-то! - закричала Дух-сан моим голосом.

Я вцепился в волосы и чуть подался вперед.

- Что-то должно быть! Наоки-кун, пожалуйста! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Я повторял "пожалуйста" снова и снова. Я слишком далеко зашел с Духом-сан. Был ли выход из этого? Заклинатель уже дважды говорил ей, что никто не хочет ее преследовать. И все, что я ей сказал сейчас? Из этих слов можно было сделать еще один вывод.

Я сказал ей, что у нее нет причин существовать...

Но была ли причина для ее существования? Разве она не должна была перестать существовать после смерти?

Или было что-то еще?

Я заставил себя замолчать, перестать дышать, перестать дергать себя за волосы.

«Это правда! Должно же быть что-то!»

- Что-то есть, - сказал я наконец. - Есть причина, по которой ты существуешь, Дух-сан. Ты не можешь просто хотеть быть призраком. Тебе нужна цель, - даже я смог понять это из текстов, которые читал все эти годы. Дух-сан что-то искала. Что-то, в чем она нуждалась. Она думала, что знает, что должна сделать. Всем нравится думать, что они знают, что должны делать. Но было еще кое-что.

Я сделал несколько глубоких, спокойных вдохов.

- Не волнуйся, мы все выясним, Дух-сан. У тебя все еще есть другой предмет для меня, верно? Возможно, мы сможем собрать все воедино, когда найдем его.

«Хорошо... мы можем попробовать, если хочешь. Прости, Наоки-кун. Я не хотела расстраиваться. Но я не знаю, что я делаю не так. Я думала, это сработает. Я думала, что их духи здесь, и мне просто нужно было больше стараться... просто продолжать пытаться найти способ добраться до них».

- Домыслы, как правило, не работают.

Я уставился на камни и пыльную шляпу. Здесь не было простого решения.

«Но все же как-нибудь уладится, - сказала Дух-сан. - Я не хочу сдаваться».

У нее никогда не было своего пути в жизни. По крайней мере, эту тенденцию я заметил в ее воспоминаниях. Казалось, она делает все возможное, чтобы изменить в себе все. Это было во многих историях о привидениях. На самом деле, став духами, те, кто был бессилен изменить свою жизнь, внезапно приобретали необычайно ревностное честолюбие после смерти, наряду со способностями для осуществления изменений, которых они так желали.

Конечно, обычно это делалось насильственными методами. По крайней мере, в рассказах, которые я читал.

Не желая останавливаться на этой мысли, я решил спросить:

- Где последний предмет памяти, о котором ты говорила?

«На кладбище, - сказала Дух-сан. - Там где похоронена моя бабушка».

<http://tl.rulate.ru/book/23951/501437>